

Приспичило Иннокентию Васильевичу до аптеки. Сердце пошаливает, ноги болят. Да заодно вот и от утраты памяти взять следует лекарство, уже очень друзья нахваливали. Записал в свое время на бумажке название, догадался. Сейчас бы без бумажки-то и не припомнил ни за что!

Бремя старости – тяжелое бремя. Не то что о других думать, альтруистом себя выставлять, а как бы тут о себе самом-то не забыть, себя-то обиходить вовремя – великое дело! И вот одинокая жизнь старика, конечно же, ничуть не радовала Иннокентия Васильевича. Однако, будучи потомственным интеллигентом в пятом поколении, которые всяк в свое время прошли через финскую войну, коллективизацию, уплотнения с подселениями, блокаду, дело врачей-вредителей и прочие исторические передраги, Иннокентий Васильевич не терял ни бодрости тела, занимаясь каждое утро с гантельками, ни ясности ума, читая стихи свежих поэтов, листая толстые журналы типа «Знамя» и «Октябрь» (по старой еще памяти) и даже сам немного увлекаясь пописыванием в колленкоровую тетрабочку.

– Мемуары! – сам себе гордо говорил Иннокентий Васильевич, присаживаясь иной вечер за конторочку и раскрывая заветную тетрадь. – А вот еще вспомнил! – приговаривал он сам себе, цепляя на нос очки для близости, – дело, кажется, в одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году было, уж много после войны, как мы с Анютой моей... Нужно отметить особой записью!

Конечно, несмотря на все старания, и гантельки тяжелели с каждым месяцем, и память стала все чаще изменять. Дела стариковские – они такие, как ни верти, всё в одну сторону идут. К завершению пути.

Стал замечать за собой небывалое ранее раздражение: когда кто-то дотрагивался до него, как вроде резко укалывало, неприятие возникало какое-то. Раньше вот и не наблюдалось такого! А сейчас? Буквально намеренно, при встрече со старым другом Спиридоном, – тот какую-то пылинку углядел на пиджаке у Иннокентия Васильевича, приблизил свое лицо к находке и как-то по птичьей, свернув голову набок, снял двумя пальцами. Оторопь взяла Иннокентия Васильевича. Аж содрогнулся от неприязни какой-то странной, ранее не испытываемой. Вот что старость делает с людьми! Ведь друг же, не посторонний какой на улице!

А где бумажка-то, что записывал название лекарства? – вдруг спохватился Иннокентий Васильевич. Стал шарить по карманам пиджака. Потом в брюки залез. – Ах ты, старый дуралей! Похоже, дома, в прихожей, на зеркальном столике забыл! Вот беда-то! И не вспомню названия! А еще ведь посмеялся, когда записывал... Что-то там было такое, смешное, заковыристое? Чу! Вспомнил! Про лошадей со Спиридоном говорили. Что-то лошадиное!

А вот и аптека. Загремела входная дверь китайскими трубочками-колокольчиками, злых и болезных духов отгоняя от учреждения здравоохраны, протолкнул себя в тугую щель Иннокентий Васильевич, машинально отмечая, что руки-то слабеют, уж и дверь вот эта самая не по силам. Ба! Вот те раз! Пусто в аптеке! Неужели все вокруг разом выздоровели?

В окошечке обрисовалось приятное девичье личико. Маску сняла, прямо при Иннокентии Васильевиче, что удивительно. Неужто так доверяет старику?

– Не бойшися, дочка, от старого больного человека, хворь-заразу капельно-воздушную подхватить? – улыбаясь, приветствовал молодую провизоршу Иннокентий Васильевич. Настроение у него, несмотря на утрату бумажки с названием лекарства, отменное. Солнце на улице, воробы вон за окном расчирикались не на шутку, ничего вроде не болит, девушка вот симпатичная ожидает от него заказа – что ж не радоваться жизни?

Кстати, а правильно ли – «провизорша»? С этими феминитивами сейчас не зря носятся филологи и социологи. Иннокентий Васильевич внимательно следил за событиями в этой сфере, любопытствовал. Даже книгу чудесную прочел. Некой Ирины Фуфаевой. Очень занятно автор (авторша?) пишет о проблемах, вроде бы и далеких от жгучих тревог бытия, но ведь и, если посмотреть повнимательнее, – важных, как ни крути! Вот назови-ка в свое время мою Анютку певцом! Она бы и обиделась! Да и на певичку, кстати, тоже. Певица – и только так! Гордо, величаво, серьезно! Это вам не водевили! Серьезная опера!

Впрочем, поразмышлять о феминитивах Иннокентию Васильевичу не дали. Так как девушка-фармацевт (ну не скажешь же никак – фармацевтиха! В конце концов, есть, вероятно, и предел в феминистических изысках!) вежливо спросила:

– Добрый день! Слушаю вас!

И улыбнулась милой улыбкой. А я бумажку дома забыл, будь она неладна! Ну что ж, начнем с того, что помним. И Иннокентий Васильевич привычно, заученным образом, кашлянув для солидности, но весьма негромко и деликатно произнес:

– Голубушка, во-первых, таблеточки от запора. Что-то там на «Ф». И второе – капотен, в самой мелкой дозировке, пожалуйста!

Пока девушка (он успел прочесть на её бейджике имя – Екатерина) выдвигала ящички в поисках требуемого, Иннокентий Васильевич продолжал вслушиваться в себя – и все более утверждался в мысли, что сегодня отличный день, ничего не болит, да, это верно, да и как-то весело на душе. Что, признаться, редкость в последнее время. Когда даже Спиридон раздражает своими то постоянным откашливанием (когда всеми зеркальными нейронами хочешь ему помочь отхаркнуть мокроту, невыносимое чувство, нужно вам сказать!), то каким-то дурашливым настроением с пересказом глупостей, сказанных по какому-то там каналу в теляшке. Боже, современное телевидение! Глаза бы не глядели! Вот тут как-то показали...

– Фестал, пожалуйста. И здесь – капотен, – Екатерина вновь появилась в стеклянном своем царстве и отвлекла Иннокентия Васильевича от размышлений о нравах и временах. Боже, какие у нее глаза! Как у моей Анюточки в молодости, когда мы только поженились! Ездили в Ленинград, там поехали в Петергоф на экскурсию, смотреть фонтаны... Помню, еще долго смеялись с ней над шуткой какого-то встречного, а может, даже и эпатажного гида, когда тот вдруг всей экскурсионной группе заявил, сделав таинственное лицо и перейдя на шепот:

– Скульптуру «Самсон со львом» автор лепил с натуры. Со своего кота, когда заталкивал ему в пасть лекарство от глистов!

И Иннокентий Васильевич вновь тихо засмеялся. А Екатерина – разволновалась.

– Что-то не так?

– Да вспомнилось мне, милая Катюша, из моей молодости! Смотрю вот на вас – и завидую! Какое прекрасное время – молодость!

Екатерина несколько удивленно взглянула на клиента, но вдруг поняла, что тому просто хочется поговорить. Благо в зале никого!

– Помнится, до вас тут работал какой-то грозного вида мужчина, неопределенных лет. У него был такой вид всегда, словно разболелся зуб. Так и хотелось предложить ему анальгина!

– Ну что вы! Какой анальгин? Это – прошлый век! Сейчас препараты уже гораздо лучше! Могу вот вам предложить нимесил, как раз от зубной боли очень подходит!

– Да слава богу, зубы не болят. Затихли! Вот ноги... Те – да, покоя не дают! В плохом смысле этого выражения...

– А где? В коленях?

– Оставим, право, эту тему, Екатерина! Просто ноги мои своё отходили, их уже не спасти! Я про мужчину того праздну интересуюсь, куда зубная боль увела его из-за этого прилавка?

– Ой, я и не знаю. Я ведь тут всего третий месяц работаю. А вот вас раньше не видела! Вы, наверное, в другие аптеки заглядываете?

– Есть такое дело! До вашей ноги иной раз не доносят! Вот я и думаю, что-то часто стали мужчины женщин вытеснять из привычных им сфер. А у вас тут – наоборот! А то мир хвалится эмансипацией, а мне кажется, что и напрасно! Вы слышали, например, как в операх (тут он вновь вспомнил свою Анютку. Как она исполняла арию Тоски! Или – Аиду!) поют контратеноры?

– А кто это такие? Я, честно говоря, оперой не интересуюсь. Скучно там.

– Вот те раз! Ну да ладно! А в спорте? Уж там-то вы слышали, должно быть, как мужчины-трансгендеры вытесняют женщин из женского же спорта? Недавно совсем вопиющее безобразие опубликовали:

в плавании мужчина, переделанный в женщину, победил на какой-то там дистанции, на международных соревнованиях – и все настоящие женщины возмущались и даже плакали! Зато в следующих состязаниях он с треском проиграл! Так как пришел еще один переделанный в женщину мужчина – и победил его!

– Ужас! – буднично усмехнулась Катя. Ей вдруг стало скучно, как в опере. Пора закруглять разговорчивого старикана. – Вам что-то еще?

И тут несколько увлекшийся чудесными Катинными глазами Иннокентий Васильевич вспомнил про рекомендованные друзьями таблетки для улучшения памяти. Впрочем, игривый настрой всё никак не покидал нашего героя.

– Катюша, душа моя, я, к великому сожалению, забыл дома бумажку с названием лекарства. Мне друзья рекомендовали. Что-то для мозгов. И название какое-то смешное...

– Для памяти? От Альцгеймера? Может, витаминочки?

– Да какие уж тут витаминочки? Там указан какой-то новый препарат. Вот ведь память – и название забыл, и бумажку оставил в прихожей! Будь она неладна!

– Может, галоперидол?

– Нет, голубушка ты моя, там что-то лошадиное в названии... Как вот в рассказе «Лошадиная фамилия». Что-то с лошадами связанное...

И тут Иннокентию Васильевичу вдруг некстати вспомнилось (вот что память изменчивая творит!), как на детском утреннике, давным-давно, в далеком безоблачном детстве, он прочел у новогодней ёлки стишок:

Лошадка одноногая
Торопится, бежит!

Все присутствующие (кроме детей) повалились хохотать. Зато сверстники смотрели на маленького Кешу серьёзными глазами, не понимая, над чем тут так заливаются родители. Примерно такими же глазами сейчас на него смотрела фармацевт (провизорша?) Екатерина.

– Может, антидепрессант какой? А что там в рассказе?

– А вы, голубушка моя, разве не читали Чехова?

– Нет, к сожалению. Я его только смотрела. Как-то раз утянули подруги в театр. За компанию. Скучно там было. Все там на сцене постоянно ругались из-за каких-то пустяков.

– Может, «Вишневый сад»?

– Может. Я не помню. Год назад где-то ходили. Еще замерзли на остановке, пока такси ждали. А при чем там лошади?

Катя явно заинтересовалась. В зале по-прежнему было пусто – и на входных дверях словно застыли китайские отпугиватели злых духов. Видимо, всех эффективно распугали. Заодно с покупателями.

Иннокентий Васильевич начал было пересказывать рассказик Антона Павловича, но вдруг как-то ясно и отчетливо осознал, что проку это повествование никакого не принесет. Нужно просто вернуться к угадыванию лекарства. Которое так искренне и убежденно рекомендовали друзья. Что же там лошадиного-то было, прости господи? Что-то... нет, ах ты, господи! Как же?..

– Что-то вроде как «но!»...

– Что за но?

– Это так лошадей понукали в прежние времена. Кучеры, извозчики, возницы, ямщики, биндюжники. Может, так было принято даже у жокеев

и гусар, наконец. Как понукают сейчас, я даже и не знаю... Давненько на ипподроме не бывал!

– Может, уколы? Порошок? Или вам так и сказали – в таблетках?

– Да, да, голубушка! Именно в таблеточках.

– Может, гинкоум? Его часто у нас берут!

– Нет, не он! Как же там? Но-о... Но-о-о... Как же, вот ведь несуразность какая!

– А!!! Я поняла! Ноотропил!

– Точно! Ах ты душечка моя! Ну что за умница! И взаправду – ноотропил! Вот ведь какая лошадь обозначилась, прости господи! А я уж думал из дому вам звонить...

– Вам нужно сходить к своему врачу и выписать рецепт. Ноотропные препараты мы отпускаем только по рецептам. Только название уж не забывайте. А то врач вам что-нибудь из слабительных выпишет!

Тут Екатерина позволила себе очаровательно рассмеяться, да так, что и Иннокентий Васильевич с большой охотой бросился смеяться вслед.

– Экая вы шутница, Екатерина! Небось мужа и детей вечерами изволите смешить?

Тут девушка резко посерьезнела. Вот какой допытливый дедок! Привязался, как репей! Ему-то какое дело? Сразу видно, одинокий, поговорить не с кем! Но все же ответила, благо подруга что-то никак не перезванивала, хотя и условились на два часа.

– Я не замужем. И что там делать? Детей рожать? Мужу носки стирать? Скукота одна!

А тут и подруга прозвонилась. Катя быстро затараторила в свой айфон:

– Да, хорошо. Договорились. Встречаемся у тебя, закажи такси. Не забудь карту гостя.

И, уже обращаясь к «дедку», пояснила повеселевшим голосом:

– Вот, вечером едем отдыхать с подружкой Веркой, в клуб. Давайте-ка я посмотрю вам препараты попроще...

Катя развернулась фрунтом к стеллажам, быстро нашла нужный ящик и долго там копалась, вслух читая названия препаратов.

– Вот, нашла! Дам-ка я вам глицин реневал. Без рецепта. Он и дешевле значительно, и на первых порах безобиден, да и берут его, не жалуются.

– И лошадей вроде не слышится! – в тон ей пошутил Иннокентий Васильевич. – Вот спасибо! А рассказик Чехова почитайте все же на досуге, Катенька! Очень приятный рассказик, уверяю вас! Так и называется «Лошадиная фамилия». Запомните, надеюсь?

И постарался как можно дружелюбнее улыбнуться своей визави. Но Катя вновь вышла на серьезный уровень разговора:

– А зачем мне запоминать? Зачем мне всё это в голове держать, мозги забивать? Я погугую вот сейчас – и всё, что мне нужно, найду!

И она бросилась быстро клацать клавишами своего айфона.

Домой Иннокентий Васильевич добирался не спеша. Посидел на любимой скамейке в знакомом скверике, поглядел на бестолково снующих между ногами прохожих голубей. Ровно два года назад, подумалось ему, вот на этой самой скамеечке я еще держал руку своей Анюточки. Она уже мало что понимала вокруг – и только тихо улыбалась всему: солнышку, прохожим, голубям, цветущим тагетесам на клумбах... А ведь были долгие годы, когда любили они присаживаться тут,

то с мороженым, одни (и тихо ворковали, как эти вот голуби), то со знаковыми после кинотеатра.

Один раз – после очень уж удачного выступления Анны в сольной партии, тогда в оперном театре прямо-таки фурор случился. Сколько было роз! Сколько хризантем! Какие аплодисменты! Её трижды вызывали на бис! Сам директор театра выполз, отдуваясь, на сцену и долго целовал руки примадонне. Друзья искренне восхищались Аниным триумфом и потащили их вечером в ресторан «Старый город». Анна все еще тогда отнекивалась от бокала «Совиньона», ссылаясь, что завтра петь опять. В «Снегурочке». Дескать, Римский-Корсаков не одобрил бы этокое пьянство и разнузданность перед премьерой! Как говорили о достоинствах «Снегурочки», где многие находили эту оперу вершиной композиторства Римского-Корсакова, другие же меломаны спорили, что-де «Садко» и «Ночь перед Рождеством» обладают не в пример большими достоинствами...

А в парке вокруг ресторана дышал зноем июнь, цвела запоздалая сирень, наполняя весь парк своим пьянящим, уже как-то утомляющим душу ароматом, и казалось всем (особенно когда уже вывалились шумной толпой на балкон) – что жизнь вся еще впереди. И в ней еще много-много радостей! Прямо как в той детской песенке, что вспомнилась сегодня прямо в аптеке Иннокентию Васильевичу и заставила улыбнуться. Где фигурировала одноногая лошадка с дровенцами...

– Любопытно, а знает ли голубушка Екатерина – что такое дровенцы? Скорее всего, что нет! Возможно, что и песенку эту, про ёлочку, что под самый корешок, она тоже никогда «не спивала». И не слышала.

Впрочем, никаких отрицательных чувств к аптекарю Кате (или все-таки аптекарше? Нужно справиться у И. Фуфаевой!) Иннокентий Васильевич не питал. Наоборот, встреча и разговор с симпатичной молодой особой вдохновили его, вдохнули новых сил в «старые мехи». Он сидел на скамеечке и тихо улыбался сам себе, так что проходящая мимо молодая пара с интересом взглянула на него, а потом, через несколько шагов, прыснула со смеху!

«Наверное, кажусь со стороны дурачком, – подумал беззлобно Иннокентий Васильевич. – Но как же приятно отдаться целиком и полностью этим сладким воспоминаниям! Сколько всего было! Сколько прошло перед глазами! Неужели память моя рано или поздно всё сотрет, медленно, но неуклонно, торжественными шагами – и ничего не оставит мне на последнюю минуту? На десерт жизни, так сказать...»

– Так вот и живу одними воспоминаниями, – резюмировал он сам себе, отгоняя нахлынувшие вслед за радостными тяжелые мысли о том ужасном периоде, когда угасала на его руках жена. – И все-таки какой же парадокс нелепый!

Это он опять вспомнил только что состоявшийся диалог с аптекаршей (нет, какой же дурацкий феминитив, это только вдуматься!) Катей. И ума-то вроде нет никакого. И, похоже, лекарства для него не требуется! Красота!

И захотелось ему вдруг съездить на ипподром, как в старые времена, посмотреть-полюбоваться на гарцующих и скачущих лошадок. Вот какой неожиданный сюрприз преподнес ему под финал этого обычного дня разогретый аптечными разговорами мозг!